20 Σεπτεμβρίου 2013

Два последних года в отпуске мы всей семьёй путешествуем по Европе на своей машине, выезжая из Астрахани. Вернувшись из отпуска в этом году, я решил поделиться увиденным. В наше время зарубежными поездками вряд ли кого удивишь. Сейчас, наверное, не осталось на Земле ни одного уголка, куда бы не ступала нога человека. Но есть ещё на земном шаре замечательные места, куда определённой группе людей попасть невозможно.

Я хотел бы рассказать о посещении Святого Афона. Афон – место, куда не разрешён вход женщинам. Ватопед, Пантелеймон, Дафни, Иверский, Хиландар, Карея – эти названия всё время, как музыка, кружатся в голове, вызывая восторженные воспоминания о проведённых на Афоне днях. Но, наверное, надо излагать всё по порядку, в строгой, как говорится, хронологической последовательности, чтобы ничего не забыть.

Не так давно я заинтересовался Афоном, стал смотреть фильмы и читать про него. Передо мной были два способа попасть в Святой Афон: первый –

организовать поездку через туристическую фирму, второй – попробовать сделать это самостоятельно. Читал на форумах, что были случаи, когда и турфирмы оказывались не в силах помочь паломникам. Всё оплачено, всё договорено, а перед человеком появляются ряд проблем и причин, по которым он туда не попадает.

Оформив в турфирме шенгенскую визу и путёвку в отель на себя, жену и дочь, решил организовать посещение Афона самостоятельно – как говорят, с Божьей помощью.

Так как Святой Афон – единственное в мире православное монашеское объединение, то для его посещения необходимо получить Диамонитирион. За разрешением на его выдачу я обратился по электронной почте в Бюро Паломников в Салониках. Положительный ответ с некоторыми инструкциями на английском языке получил довольно быстро. На самом Афоне проживание и питание в монастырях для паломников бесплатно, но часть монастырей требует предварительного согласования. Всего на Афоне 20 монастырей. Пользуясь советами на форумах, я пожелал разместиться на ночлег в греческом монастыре Ватопед и единственном русском Свято-Пантелеймоновом монастыре, куда и направил запросы. Из Ватопеда положительный ответ получил в течение недели, а вот из русского монастыря ответа не было очень долго. Я обратился за помощью к туроператору, который организовывал поездки в Грецию, но там мне посоветовали отказаться от посещения русского монастыря, ссылаясь на то, что попасть туда сложно. Как альтернативу, с учётом намеченного мною маршрута, предложили сербский монастырь Хиландар, который находится на выходе из Афона. Я ответил, что посещать монастырь Хиландар не планирую, потому что иду в Афон только на три дня (Диамонитирион позволяет находиться на Афоне четыре дня). Я читал, что паломники на Афоне планируют попасть в одно место или монастырь, а в результате оказываются по воле Пресвятой Богородицы в другом месте её удела. Но не думал, что так произойдёт и со мной, однако об этом позже. Спустя два месяца после обращения в монастырь Святого Пантелеймона я всё-таки получил одобрение из монастыря на ночлег.

Прибыв в Грецию, оставив жену и дочь в отеле, я получил в аренду автомобиль и убыл на Святой Афон. Ещё дома забил в навигацию планируемые места посещения, поэтому добраться до города Уранополя, из которого идут паромы на Афон, было не сложно. Весь вечер в Уранополе посвятил магазинам, в которых продавались иконы. В одной лавке продавец подробно и с большой любовью рассказывала про иконы. Я активно поддерживал её в разговоре, так как перед поездкой на Афон изучил историю и судьбу икон, которые хотел увидеть. Здесь мне и помогли определиться, кому какую икону привезти из Афона. В Уранополе я разместился в отеле, который ранее забронировал через сайт booking.com. Хозяйка отеля Эфи оказалась очень доброжелательной и предложила свои услуги

Палом

номер

допол

отеле.

Покупая билет на паром, я познакомился с отцом Максимом и послушником его прихода Владимиром, которые прибыли из Казани. Пройдя паспортный контроль и проверку наличия Диамонитириона, мы разместились на верхней палубе. Гудок парома уведомил о том, что на три дня я простился с мирской

жизнью. Были видны живописные бухты и пока ещё невысокие, но милые сердцу афонские склоны. Паром шёл довольно близко к берегу и все, что там находится, видно было отчетливо. На палубе паломники стали кормить чаек, которые на лету выхватывали хлеб прямо из рук. Появились монастырские причалы. Первые группы паломников стали покидать паром. Время пролетело быстро, и через два часа мы сошли на берег уже на афонской земле в порту Дафни. Пока плыли на пароме, я рассказал своим спутникам о планах и маршрутах передвижения. Возможно, это и явилось причиной идти вместе.

Из Дафни до административного центра Афона, Кареи, мы доехали на автобусе, который встречал прибывших паломников. Дорога была ужасной: один поворот сменялся другим, из-под колёс поднимались клубы пыли, автобус натужно продолжал ползти вверх. Выйдя из автобуса, я стал читать и вспоминать свои записи на предмет наличия чудотворных икон и мощей святых. После чего мы направились в соборный храм, где хранится чудотворная икона «Достойно есть», история которой связана с православным песнопением. Здесь же, в Карее, мы зашли в один из самых красивых, некогда бывший русским, Андреевский скит.

Говорят, чтобы узнать Афон, нужно пройти его ногами. Вот мы и решили идти из Кареи до Ватопедского монастыря пешком. Втроём мы двинулись в пятнадцатикилометровый путь, который проходил по горам и лесистой местности. Указатели были не везде, здесь и выручал планшет с навигацией. По дороге повстречались нам три диких кабанчика и черепашка. Весь путь в основном молчали, разговоры если и вели, то только об Афоне и православии. Я рассказал, что жена просила по возможности взять несколько чудотворных Поясков Богородицы, которые в Ватопеде раздают паломникам, а также что я готовлюсь и хотел бы исповедаться и причаститься на Святом Афоне. Шли мы без остановок, не блуждали, поэтому через три часа были на месте.

На входе в Ватопед нас повстречал дежурный монах. Проверив Диамонитирионы, он сообщил, что я своё пребывание в монастыре согласовал, а отец Максим и Владимир – нет. Я попытался на английском попросить, чтобы нам троим разрешили разместиться на моём месте. Монах предложил оставить вещи и идти на вечернюю службу, а затем вернуться к нему. Мы так и сделали.

Входя в храм, первое, на что обращаешь внимание – это специальные места, оборудованные вдоль стен, на которых можно сидеть во время службы, а также стоять, положив руки на подлокотники. После службы нас пригласили на трапезу. В монастырях трапезы дважды в сутки – после утренней службы и после вечерней. Первыми в трапезную вошли монахи монастыря, за ними потянулись священники, совершающие паломническую миссию, а следом уже вошли миряне. Пища была постная, но много фруктов, было и вино. Во время всего приёма пищи монах читал молитву. По окончанию трапезы все как по команде встали и направились к выходу, где несколько монахов низко кланялись. Вид у них был страдальческий и сильно извиняющийся. Так монастырские повара просят прощения у трапезников, если вдруг кому не понравилась приготовленная ими еда. Такое правило существует во всех монастырях.

Затем мы были приглашены в храм для поклонения святым мощам. В обители хранятся Честной Пояс и семь чудотворных икон Пресвятой Богородицы. С великим благоговением приложились мы к бесценной святыне Ватопеда – к Поясу Богородицы, помещённому в драгоценный ковчежец, и главам святых Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Иакова Персиянина, Меркурия и частицам мощей многих святых.

После поклонения святым мощам все подошли к чудотворной иконе Божией Матери «Всецарица», которая исцеляет больных раком.

Русскоязычных паломников пригласили в притвор храма, где нас для краткого ознакомления ожидал батюшка. Это был отец Феодох, который вместе с настоятелем монастыря отцом Ефремом привозили Пояс Богородицы в Россию. Тогда к нему смогли приложиться 4 млн православных.

– Храм монастыря – один из самых обширных на Афоне, – начал экскурсию отец Феодох. – Построен он ещё в десятом веке и посвящён в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. В храм ведёт преддверие, из которого вход в два притвора: внешний и внутренний. По обеим сторонам притворов два придела: по правую сторону – святителя Николая Чудотворца, по левую – великомученика Дмитрия Солунского. Мы сейчас по ним пройдём.

Мы подошли к чудотворной иконе Божией Матери «Закланная». С ней связана особенная история. Один монах, осерчав на своего наставника, в отместку ударил ножом по иконе. Из раны на щеке Богородицы потекла кровь. И тогда монах, осознав свой поступок, бросился на колени и стал просить прощения у Божией Матери. Через несколько лет после его смерти, по монастырскому обычаю, кости этого монаха были подняты. Они оказались белыми, однако, к ужасу монахов, та рука, в которой монах держал нож, была не истлевшей, чёрной.

Икона висит в тёмном притворе, и когда отец Феодох посветил фонариком на лицо Божией Матери, мы увидели запёкшуюся кровь.

Следующая чудотворная икона – «Ответчица», потому что от этой иконы послышался голос. Однажды царевна Плакидия прибыла на Афон, чтобы поклониться его святыням. Однако, подойдя к храму, услышала она голос Пресвятой Богородицы, повелевавший ей немедленно покинуть полуостров. «Отныне нога женщины да не ступит на землю Святой горы!» С этого времени женщинам на Афон путь закрыт. Женщинам запрещён вход на Святую Гору не ради умаления достоинства женского пола. Наоборот, святогорцы в лице Госпожи Богородицы, к которой они проявляют особенные любовь, приверженность и обожание, чтут женщину. Нигде никакая женщина не почитается так, как Пресвятая Дева на Афоне монахами.

Икона Божией Матери «Алтарница» – покровительница обители Ватопед – находится в алтаре соборного храма монастыря. По преданию, сын императора Феодосия Великого, Аркадий, попав в кораблекрушение, чудесным вмешательством Божией Матери был вынесен на сушу в местность, где позднее был построен Ватопед, и там же он обнаружил эту икону. Когда арабские пираты напали на монастырь, иеродиакон Савва успел опустить икону Божией Матери вместе с крестом Константина Великого в колодец под помостом алтаря и оставил там зажжённой свечу. Через 70 лет, вспомнив про икону, её нашли в колодце. Икона и крест стояли на воде, и свеча, которую зажёг старец, по-прежнему, горела. Рассказав про икону, отец Феодох

подвёл нас к колодцу, где её нашли.

Над последним приделом находится ещё небольшой придел во имя Пресвятой Богородицы, называемый «Отрады» или «Утешение». Мы вошли в тёмный притвор, где горели только свечи, поднялись по небольшой лестнице к чудотворной иконе, увешанной золотыми цепочками благодарных жертвователей.

– Когда-то разбойники решили разграбить Ватопед, – продолжал экскурсию отец Феодох. – Игумен услышал женский голос, предупреждающий об опасности, грозившей монастырю. Он устремил свой взор на икону и увидел, что лики Богородицы и Богомладенца изменились. Ватопедская икона была подобна «Одигитрии», на которой Богомладенец всегда изображается с благословляющей рукой. И вот игумен видит, как Иисус поднял свою руку, заграждая уста Богородицы со словами: «Нет, Мать Моя, не говори им этого: пусть они накажутся за грехи свои». Но Богородица, уклоняясь от Его руки, двукратно произнесла слова: «Не отверзайте сегодня врат обители, а поднимитесь на стены монастырские и разгоните разбойников».

Над входом в монастырь – икона Богородицы с Младенцем Иисусом «Расстрелянная». В эту икону в 1820 году из ружья выстрелил турок-разбойник. За своё святотатство он был наказан: тронулся умом и повесился рядом на дереве.

После краткого рассказа и экскурсии отец Феодох передал отцу Максиму, с которым я странствовал, пакет с поясками Пресвятой Богородицы, чтобы он раздал паломникам. Встав в очередь, я получил поясок. Когда пояски были розданы всем паломникам, вспомнив мою просьбу, отец Максим и Владимир дали мне ещё несколько поясков. Открылась лавка монастыря, я решил обязательно купить иконки для коллег по работе и родным в этом монастыре, где столько чудотворных икон.

Разместили нас в комнате на три человека, вполне с мирскими условиями. Я принял душ и вышел во двор, где сидели и мирно беседовали паломники. Ведя беседы, познакомился с Артёмом – он приехал на Афон с двумя коллегами, они делали репортаж для православного канала «Союз». Сами ребята оказались родом из Минска. В этот день они взяли интервью у настоятеля монастыря Ватопед Архимандрита Ефрема, который уже после того, как свозил в Россию Пояс Пресвятой Богородицы, побывал под арестом – его арестовывала греческая полиция. Как далее стало известно, и здесь, на Святом Афоне, идут имущественные и земельные споры. Кто-то желает

оставить в неприкосновенности Афон, а кто-то – захватить его земли и этим обогатиться.

Так как мои новые знакомые были из Белоруссии, меня интересовало их мнение о событии, которое произошло в Свято-Покровской церкви города Дзержинска недалеко от Минска, где одновременно мироточило 40 икон и одна икона кровоточила. Мироточение икон завершилось возгоранием алтаря. Я был в этой церкви позже, а они делали прямой репортаж прямо во время данных событий. Интересно было пообщаться. Перед тем как разойтись для отдыха, Артём предложил мне дать интервью для телеканала «Союз», но я ответил, что со мной есть более достойные для интервью православному каналу спутники – отец Максим и алтарник Владимир.

Я лежал на кровати и смотрел в открытое окно. Купала и звезды, и какое-то полнейшее спокойствие. Но мысли мои были с чудотворными иконами. Вспоминал историю каждой иконы и ещё раз хотел к ним вернуться. Благодарил Пресвятую Богородицу за то, что дала возможность приложиться к её Поясу. В России люди стояли в очереди к Поясу по много часов, а некоторые – и по нескольку дней. В таких размышлениях пролежав до половины четвёртого утра, услышал звон колокола и голоса монахов, будящих на службу. Вышел из кельи и направился в храм. Во дворе монастыря свет не горел, не горел он и в храме. Из нашей кельи вместе со мной пришло к началу службы несколько паломников, остальные подтянулись только к пяти часам утра. Поначалу мне показалось, что, как и на вечерней службе, не хватает нашего русского размаха и торжественности, но потом ватопедские монахи устроили такой «круговорот», что я просто растворился в пространстве. В середине храма мерцали свечи, а из тёмных углов бесшумно выплывали в центральный круг чернобородые монахи, кланялись в разные стороны и исчезали в противоположном тёмном углу. Настолько это кружение было стремительным и слаженным, что мне показалось, будто воинское подразделение выполняет сложную боевую задачу. Затем были исповедь и причащение.

Здесь я услышал, что в Греции венчание установлено на законодательном уровне, и все пары венчаны. Венчание – одно из требований для исповеди и причащения для живущих в браке, и это не единственное отличие от правил Русской церкви.

А я подумал, что у нас с женой практически и свадьбы-то не было: в «лейтенантском» отпуске сделал предложение, через пару дней расписались, тремя самолётами добрались до места службы в закрытом

гарнизоне на полуострове Камчатка – и вот в следующем году будет уже 25 лет совместной жизни. Да уж, пора венчаться!

После трапезы я вдруг вспомнил, что не отдал записочки «О здравии» и «Об упокоении». К счастью, увидел отца Феодоха, и он взял у меня записки.

Мы собрались продолжить свой путь по Афону, но перед уходом из монастыря ещё раз приложились к чудотворным иконам и с благословения батюшки сфотографировались на входе в монастырь под иконой «Расстрелянная». Фотографироваться внутри монастыря запрещено, а видеосъёмка запрещена на всём Афоне. Если таможенники обнаружат камеру, то могут отобрать.

Дорога наша лежала в Иверский монастырь. Мы дошли до причала, когда увидели бежавших с камерами моих вчерашних знакомых. «Как хорошо, что вы ещё не уплыли», – сказал Артём и протянул микрофон, задавая вопросы. Интервью было предельно краткими, а когда он спросил «Считаете ли вы, что необходимо звать на Святой Афон паломников из России?», я ответил: « Нет, звать сюда никого не нужно. Каждый сам должен почувствовать и понять, что душа его просится посетить это место. Обстоятельства сложатся так, что он пойдёт на Афон сам. А вот рассказать людям, чтобы они знали, что есть такой удел Пресвятой Богородицы, нужно».

Заметил, что на Афоне никто никого не расспрашивает о его жизненных обстоятельствах, любопытство считается там пороком, и каждый может рассказать о себе только то, что считает нужным. Только из интервью отца Максима я узнал, что у него недавно родилась шестимесячная дочка весом 1 кг 600 г, и он приехал на Афон просить Божию Матерь помочь его девочке.

Не знаю, может, от того, что дали интервью, чем нарушили молчание, которое так почитается на Афоне, может, по какой-либо другой причине, но в Иверский монастырь в этот день мы не попали, и Богородица повела нас своей дорогой. Иверский монастырь греки часто называли кратко – Ивер. Мы так и пояснили капитану судна, на котором отплыли от причала. Но когда мы проплыли уже довольно длительное время, у меня появилось подозрение, что нас везут в другое место. Включил навигацию и увидел, что до выхода из Афона осталось совсем недалеко. Тут катер причалил к берегу и капитан сказал, чтобы завтра утром мы были на этом же месте – тогда нас бесплатно отвезут в Иверский монастырь. Далее мы разобрались, что под «Ивером», капитан подразумевал город Иверон, который находился за пределами Афона.

Осмотревшись на берегу, увидели грузовик, за рулём которого сидел монах. На наш вопрос, какой монастырь находится рядом, монах ответил: «Сербский Хиландар». Я заулыбался. Но чтобы улыбкой не ввести в гнев своих путников после произошедшего, поторопился рассказать, как туроператор предлагал мне посетить монастырь Хиландар, а я ответил, что в этот монастырь я не успею, ссылаясь на недостаточность времени. До монастыря Хиландар, в котором хранится знаменитая русскому народу икона «Троеручница», было примерно три километра. По пыльной дороге мы двинулись в его направлении. В приходе монастыря сидел заблудившийся паломник. Представился он как Роман из Москвы и, улыбаясь добавил, что ругался на сербов – вот потому его сюда, видимо, и закинуло. С этой минуты нас стало четверо.

Приключения не закончились. Сербский батюшка связался по рации с проходящим по морю, с обратной уже стороны острова, катером, на котором за 100 евро нас согласились довезти до Свято-Пантелеймонова русского монастыря. Батюшка сел за руль «ГАЗели» и велел нам креститься. За 20 минут от Хиландара по крутому серпантину он нас довёз до причала, денег не взял. Так меня ещё не возили: перед глазами по очереди мелькали небо, море и обрыв! Мы благодарили сербского батюшку за то, что успели на катер, а он, не замолкая, неоднократно на ломаном русском языке повторял «Простите меня, пожалуйста» – извинялся за то, что в багажнике машины разлетелись наши вещи. Человек сделал добро, да ещё и прощения просит. Почему мы так не живем в мирской жизни?!

Через 30 секунд с моря подплыл проходящий катер и забрал нас.

Приплыли в Пантелеймон, пришли в ахондарик (место, где размещают паломников), где нас встретил отец Истратий. Рассказывали мне, что в русском монастыре, едва ли не единственном на Афоне, паломников встречают прохладно, что нередко говорят паломникам: «Ты не наш. Иди в другой монастырь». Но не верил я этим рассказам. Как же так – меня, русского человека, русский монах может отправить в другой монастырь?!

Отец Истратий строгим голосом инквизитора допрашивал каждого из нас, откуда он и куда дальше намерен идти, собственноручно записывал в журнал паспортные данные и даже спросил профессию. Задал вопрос, почему я не договорился о ночлеге. Я назвал дату и время, в которое с ним общался. Он ответил: «Не помню». Мне говорили, будто греки, особенно монахи, не мучаются извечным русским вопросом: кто виноват и что делать дальше? В мирской жизни я постарался бы напомнить, а здесь стоял и молча ждал своей участи. Через пару минут он ответил: «Вспомнил. Точно – договаривались».

После чего мы поднялись на четвёртый этаж. Отец Максим и послушник Владимир были размещены в двухместном номере, а нас, паломников, разместили в общем спальном помещении, чем-то похожем на солдатскую казарму. Вместе с тем, в помещениях везде сделан свежий ремонт. В мае этого года монастырь посещал Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, а в 2005 году Святой Афон, и в частности русский монастырь, посетил Президент России Владимир Путин. Сравнивая Пантелеймон с другими афонскими монастырями, я поражался широте его размаха. Всё здесь огромное, просторное, размашистое, как, впрочем, наш русский характер. Прогуливаясь по территории монастыря, мы зашли в библиотеку. В помещении за столами сидели паломники, пили чай и о чём-то тихо беседовали. Таких буфетов в греческих монастырях нет, и днём в трапезную вы не попадёте – она закрыта. А здесь, среди дня, можно попить горячего чайку, съесть бутерброд с повидлом или мёдом. Всё, как говорится, по-русски.

Русская монастырская лавка считается самой дорогой на Афоне, несколько паломников на пароме и в Ватопеде жаловались, что сильно поиздержались в Свято-Пантелеймоновом монастыре, закупая там масло, ладан, иконы, крестики. При входе в лавку нам дали бесплатно по бумажной иконке св. Пантелеймона, на которой поставили печать монастыря.

После вечерней службы мы направились на трапезу. Такого разнообразного и вкусного обилия еды, как в Ватопеде, здесь не было, зато был русский борщ, тоже очень вкусный. Я нахожу причины того, что на Афоне всё гораздо

вкуснее, чем в миру, в особом составе воды – это раз, в том, что пища готовится с молитвой – это два.

После трапезы отвели нас в часовню, где мы смогли приложиться ко всем мощам, за исключением главы св. Пантелеймона. Сказали, что его мощи выносят только по большим праздникам. Немножко из-за этого расстроился.

Ближе ко сну мы обговорили планы на завтра. Отец Максим предложил не подниматься рано, так как на следующий день мы планировали идти пешком в Карею (12 км). Я посчитал, что сил моих хватит, а исповедаться и причаститься на Святом Афоне, может, больше и не будет возможности, поэтому встал в половине четвёртого утра и пошёл на службу. Правда, в отличие от Ватопеда, в эту ночь спал глубоким сном.

Сначала занял место, стоя в деревянном кресле, чтобы пробудиться ото сна, затем перешёл ближе к иконостасу. Красивая служба – с пением двух хоров, при зажжённых свечах, – невзирая на продолжительность, осталась в памяти. Исповедь произвела сильное впечатление: за окнами ещё темно, только свет лампад и свечей, батюшка сидит на маленькой скамейке, а ты на коленях исповедуешься. Жалко было ребят, которые готовились к исповеди, пришли к началу службы, но не смогли исповедаться. Просто не разобрались в кромешной темноте – когда, куда и к кому нужно подойти. Потом сказали, что, значит, так Богу угодно.

После причастия получил поздравления своих спутников. По окончанию литургии большинство прихожан покинули храм, но я остался на Благодарственную молитву. И здесь произошло чудо: внесли честную главу Пантелеймона. Я позвал стоявших на выходе из храма отца Максима, Владимира и Романа, и мы приложились к мощам Пантелеймона. День начался очень хорошо, так и продолжился.

Трапезы в этот день в связи с постом не было. Попив чай, мы двинулись в путь на Карею. Но перед уходом из монастыря подошли к отцу Истратию, и я подарил набор открыток с описанием и фотографиями наших Астраханских храмов. Теперь в русском монастыре на Святом Афоне знают про нашу православную Астраханскую землю.

Мы успели пройти по горам примерно два километра, когда нас подобрал автомобиль «ГАЗель» и довёз до Кареи. Там мы ещё раз приложились к иконе «Достойно есть», с благословления приложили одноимённые иконки, купленные родным, и последовали в Иверский монастырь (7,5 км).

Дорога была сложная и запутанная, мы шли по узким тропинкам вдоль горной речушки, но, как и ранее, выручала навигация, так что заблудиться Пресвятая Богородица не позволила, и мы успешно добрались до монастыря.

Я очень хотел приобрести домой копию иконы «Вратарница», и именно в монастыре, где она хранится.

Во времена иконоборчества в часовню при доме вдовы, в которой хранилась икона, ворвались воины императора и пытались разрубить икону. Тут же произошло великое чудо – по иконе потекла кровь. Воины перепугались и ушли. Чтобы спасти икону от дальнейшего осквернения, вдова решила пустить её по морским волнам, положившись на волю Божию. Икона по морю приплыла на Святой Афон, где была внесена в монастырь и поставлена в алтарь. На следующий день монахи не нашли иконы на прежнем месте – она оказалась на стене над монастырскими воротами. Её вернули в алтарь, но на следующее утро она снова оказалась над воротами. Это повторялось несколько раз, пока Пресвятая Дева не открыла Гавриилу во сне свою волю, сказав, что не желает быть хранимой иконами, а хочет быть их Хранительницей. Тогда была сооружена надвратная церковь, в которой икона пребывает и по сей день.

Мы подошли к монаху и обратились с просьбой открыть для нас церковь, где хранится чудотворная икона «Вратарница». Монах попросил всех замолчать, опустил руки и чётко, по-военному, на чистом русском, без какого-либо акцента отрапортовал: «Я не говорю по-русски! Обращайтесь ко мне только на греческом или английском». До сих пор не пойму, серьёзны были слова монаха или это шутка, которая так непривычна на Афоне. Но изъясняться пришлось по-английски.

Мы зашли в церковь у входа в Иверский монастырь и смогли поклониться чудотворной иконе. В данном монастыре, в отличие от предыдущих, разрешено фотографировать. Но после моего вопроса о возможности фотографирования самой иконы монах достал из стола, стоявшего рядом, открытки с образом Вратарницы и раздал нам. Мы поблагодарили монаха, вышли из часовни и зашли в лавку монастыря. Здесь я также купил иконки

иверской Вратарницы для коллег по работе и домой.

Уставшие, небритые, но счастливые на такси мы добрались до Дафни, а оттуда – на паром и в Уранополь. Обратил внимание, что на Афоне все друг другу улыбаются, даже если сильно устали, и оттого нет между людьми раздражения и злобы. Когда ты, допустим, сидишь в автобусе, а кто-то в нём стоит, когда кто-то отдыхает в двухместной келье, а кто-то в двадцатиместной, когда кого-то перевозят из одного монастыря в другой на персональном джипе, а кто-то совершает трудные переходы на своих двоих – это ни у кого не вызывает злобы. Перед Богом все равны, и все это хорошо понимают – и едущие в джипах, и идущие пешком по каменистым тропам Афона. На том и держится вера православная.

Игорь Аникейчик

источник: gazprom-dobycha-astrakhan.ru